

Новое

В ЛИНГВИСТИКЕ

НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

Вып. I

Редактор *М. А. ОБОРИНА*
Художник *В. Л. Самсонов*
Технические редакторы *Б. И. Астафьев*,
М. П. Грибова и *Ф. Х. Джатиева*
Корректор *Е. Б. Марксон*

Сдано в производство 29/I 1960 г.
Подписано к печати 3/VI 1960 г.
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 7,3$ бум. л.
23,8 печ. л. Уч.-изд. л. 24,9. Изд. № 13/3943
Цена 17 р. С 1/I 1961 г. цена 1 р. 70 к.
Заказ № 116

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., д. 2

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

Отпечатано с набора в типо-литографии
ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского.

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

Н О В О Е В ЛИНГВИСТИКЕ

Выпуск 1

СОСТАВЛЕНИЕ, РЕДАКЦИЯ
И ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ
В. А. ЗВЕГИНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1960

АННОТАЦИЯ

Настоящий сборник представляет собой первый выпуск неперIODической серии „Новое в лингвистике“, включающей наиболее значительные труды зарубежных лингвистов по вопросам общего языкознания. Первый выпуск содержит работы о методе глоттохронологии, гипотезе Сепира — Уорфа и глоссематике.

Редакция литературы по вопросам филологии

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящей книгой Издательство иностранной литературы начинает выпуск неперIODической серии публикаций под общим названием «Новое в лингвистике». Эта серия имеет своей целью ознакомить советского читателя с наиболее значительными явлениями зарубежной науки о языке, получившими отражение только в статьях или же в небольших по объему работах. Таким образом, каждый из выпусков данной серии будет включать подборку статей или небольших работ, расположенных по тематическому признаку.

Создание такой серии диктуется теми соображениями, что не все значительные научные явления получают монографическое изложение и выходят за пределы периодических изданий или всякого рода «Трудов», хотя сама по себе их научная ценность может быть довольно высокой. Кроме того, настоящая серия позволяет более мобильным и быстрым образом давать советским языковедам интересующую их информацию.

«Новое» в лингвистике — понятие условное. Оно может относиться к только что вышедшей работе, но также и к такой, которая была напечатана относительно давно, но только в наши дни стала предметом острых дискуссий и привлекла общее внимание. Понятие «новое» может истолковываться и с точки зрения проблематики и интересов советского языкознания. Все это следует учитывать при ознакомлении с содержанием отдельных выпусков настоящей серии.

Первый выпуск включает три раздела, посвященные методу глоттохронологии, гипотезе Сепира — Уорфа и глоссематике. Все три раздела не связаны никакими внутренними связями. Они представляют сведения из совершенно

различных областей науки о языке и характеризуют различные направления лингвистического исследования. Но каждый раздел построен по единой схеме: он начинается вступительной статьей редактора, далее следует подборка оригинальных работ и затем заключительная статья, дающая авторитетное истолкование данной проблемы или данного лингвистического направления с точки зрения зарубежной науки о языке. В разделе, посвященном глоссематике, после вступительной статьи редактора помещена статья Э. Хаугена, которая помогает определить место данного направления в ряду других лингвистических направлений и выявить намечающиеся между ними связи. Как представляется, указанное построение разделов выпуска дает наилучшие возможности для всестороннего рассмотрения излагаемых в каждом разделе вопросов.

Издательство ожидает от советских языковедов рекомендаций относительно содержания последующих выпусков серии «Новое в лингвистике».

**МЕТОД
ГЛОТТОХРОНОЛОГИИ**

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ МЕТОДОМ ГЛОТТОХРОНОЛОГИИ (ЛЕКСИКОСТАТИСТИКИ)

Вопросы датирования всегда занимали в историческом языкознании значительное место. Однако, если исключить те сравнительно редкие случаи, когда возникновение того или иного языкового факта датируется хронологически определенным памятником, из двух видов датировки — абсолютной и относительной (она иногда именуется также топологической) — историческое языкознание, как правило, использует лишь последнюю. Такое предпочтение относительной датировки, позволяющей установить только историческую последовательность фактов языковой эволюции, т. е. определить, какой из двух или нескольких фактов произошел раньше и какой позже, не есть намеренный и сознательный выбор лингвистов, но в значительной мере обуславливается теми «объективными» недостатками специальных методов, которые находятся в распоряжении лингвистического исследования.

Сравнительно-исторический метод, исходящий из предпосылки постепенной дифференциации первоначальной единой языковой общности, позволяет, например, установить, что общеславянский язык есть исторически более позднее явление, чем общендоевропейский, или в лучшем случае выявить историческую последовательность выделения отдельных языковых групп из предполагаемого единства, но этот метод не дает возможности дать хотя бы даже приближенную абсолютную датировку подобных явлений. Точно так же обстоит дело и в отношении отдельных фактов истории языка, когда, например, ориентируясь на процессы первого и второго передвижения согласных в германских языках, можно установить последовательность лексических герман-

ских заимствований в славянских и финских языках или латинских заимствований в германских языках, но абсолютная датировка перехода каждого лексического элемента в отдельности из одного языка в другой, как правило, оказывается при этом не всегда возможной.

Еще большей относительностью обладают датировки, полученные методами внутренней реконструкции или ареальной лингвистики (неолингвистики). Так, выработанные М. Бартоли¹ «нормы ареалов» фактически полностью ориентированы на установление относительного хронологического соотношения инноваций родственных языков. В соответствии с его нормами языковые факты, распространенные на большем ареале или на боковых (латеральных, маргинальных) ареалах, старше фактов, распространенных на меньшем ареале или на центральном ареале. Все эти ареальные нормы перекрываются изолированным ареалом, который наименее подвержен воздействиям со стороны других языков или диалектов и поэтому в наименьшей степени захватывается новыми явлениями (инновациями). Больше такой временной соотносительности ареальные нормы дать не могут.

Разумеется, не следует представлять себе дело таким образом, что историческое языкознание всегда довольствовалось относительной датировкой и не стремилось связать его с абсолютной. Однако такого рода попытки носят обычно весьма приблизительный и условный характер, а самое главное не основываются на определенном и апробированном методе. Вместе с тем у всех этих попыток есть общее свойство, которое заключается в стремлении выйти за пределы собственно языковых явлений и связать их с «внеязыковыми моделями» разного порядка — социальными, идеологическими, культурными и пр., и установить в этой связи определенные закономерности. К числу такого рода попыток следует отнести стадиальную теорию акад. Н. Я. Марра и близкую к ней гипотезу Л. Леви-Брюля о соотношении языковых и социальных явлений², работы

¹ См. сборник его основных работ «Saggi di linguistica spaziale», Torino, 1945, а также статью G. Bonfante, On reconstruction and linguistic method, «Word», vol. I, 1945, vol. II, 1946.

² L. Lévy-Bruhl, Des rapports de la linguistique et de la sociologie, Actes du 4-ème Congrès international des linguistes, Copenhague, 1938.

А. Соммерфельта¹ и Г. Хойера², которые возникновение отдельных языковых явлений ставят в связь с характером и формами культуры, и особенно теорию хронологического отношения культурных и языковых элементов Э. Сепира³.

Совершенно на иных основах строится метод лексикостатистики или глоттохронологии, предложенный для установления абсолютной датировки американским языковедом Моррисом Сводешем⁴. Глоттохронология использует технику точных наук и, в частности, имеет много общего со способом датировки археологических находок посредством определения в них содержания углерода. Хотя по признанию самого М. Сводеша его метод находится еще в процессе становления и нуждается в уточнении, совершенствовании и основательной проверке, он уже достаточно широко известен и даже включен в некоторые пособия по лингвистике⁵. Более или менее определились и рабочие приемы глоттохронологии, поэтому вполне своевременно представить ее на рассмотрение советских языковедов, предварив публикацию двух основных работ М. Сводеша (и критической статьи Г. Хойера) некоторыми общими соображениями.

Метод глоттохронологии имеет ограниченное применение и может использоваться только для определения приближенной абсолютной датировки процессов дифференциации родственных языков. Говоря кратко (с тем, чтобы не пересказывать содержание статей М. Сводеша, приводимых

¹ A. S o m m e r f e l t, *La langue et la société*, Oslo, 1938. Противоположная точка зрения представлена в статье J. K u r i ł o w i c z, *La construction ergative et le développement «stadial» du langage*, «Annali della scuola normale superiore di Pisa», ser. II, vol. 18, 1949.

² H. H o i j e r, *Linguistic and cultural changes*, «Language», vol. 24, 1948.

³ E. S a p i r, *Time perspective in Aboriginal American culture: A study in method*, Selected writings, Berkeley and Los Angeles, 1949.

⁴ Помимо приводимых в настоящем сборнике статей, принципы глоттохронологии затрагиваются еще в следующих работах М. Сводеша: «Diffusional cumulation and archaic reidue as historical explanations» в «Southwestern journal of anthropology», vol. 7, 1951; «Time depths of American linguistic groupings» в «American anthropologist», vol. 56, 1954; «Perspectives and problems of Amerindian comparative linguistics» в «Word», vol. 10, 1954. См. также R. L e e s, *The basis of glottochronology*, «Language», vol. 29, 1953 и др. Наиболее полное рассмотрение метода глоттохронологии см. в работе D. H. H y m e s, *Lexicostatistics so far*, «Current Anthropology», vol. I, № 1, 1960. Там же дана библиография.

⁵ См., напр., Ch. H o c k e t t, *A course in modern linguistics*, New York, 1958.

ниже), метод глоттохронологии основывается на следующих четырех предпосылках¹:

1. Определенная часть словаря всех языков относительно стабильна и образует основное лексическое ядро. В это основное лексическое ядро входят местоимения, числительные, наименования частей тела, географических явлений и пр.

2. Степень сохраняемости элементов основного лексического ядра постоянна на протяжении всего времени. Так, установив некоторое количество слов основного ядра, мы можем быть уверены, что определенный процент этих слов будет оставаться неизменным в равные периоды времени (например, в первое, во второе и в третье тысячелетия).

3. Процент утраты слов основного ядра примерно одинаков во всех языках (обратная зависимость).

4. Если известен фактический процент сохранившихся генетически близких элементов основного лексического ядра любой пары родственных языков, то можно вычислить время, прошедшее с того момента, когда эти языки начали процесс расхождения (дивергенции).

Как видно из этих предпосылок, метод глоттохронологии тесно связан с выделением той лексической категории, которая в советском языкознании получила наименование основного словарного фонда, но для науки о языке является далеко не новой. Несомненно, именно подобного рода категорию имел, например, в виду еще Расмус Раск, когда писал о «...наиболее существенных, материальных, необходимых и первичных словах, составляющих (наряду с грамматикой) основу языка»². В советском языкознании об этой лексической категории, которую в порядке «развития» нашей науки о языке некоторые языковеды объявили методологической, писали до того, как она превратилась (правда, на сравнительно короткий период) в методологическую проблему, Л. П. Якубинский³ и В. И. Абаев⁴. Однако, несмотря

¹ См. S. G u d s c h i n s k y, The ABC's of lexicostatistics, «Word», vol. 12, 1956.

² Р а с к, Исследования в области древнесеверного языка, цит. по «Хрестоматии по истории языкознания XIX и XX вв.», сост. В. А. Звегинцевым, Учпедгиз, 1956, стр. 38.

³ Л. П. Я к у б и н с к и й, Несколько замечаний о словарном заимствовании, «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, 1926.

⁴ В. И. А б а е в, Язык как идеология и язык как техника, «Язык и мышление», вып. II, 1934; е г о ж е, О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском, сб. «Осетинский язык и фольклор», I, Изд. АН СССР, 1949.

на огромное количество работ, которые были посвящены у нас проблеме основного словарного фонда, он так и остался почти неуловимой категорией, а границы и критерии его определения никак не удалось установить хоть с какой-нибудь степенью точности.

Тем не менее богатый опыт работы советских языковедов по определению слов основного словарного фонда, несомненно, поможет им составить правильное суждение о методе глоттохронологии М. Сводеша, наиболее слабым местом которого также является составление списка слов основного лексического ядра.

Критика предложенного М. Сводешем метода направляется главным образом именно против принципов отбора «опытного списка» слов основного ядра. Стремясь уточнить и усовершенствовать избранный им метод, М. Сводеш точно так же свои усилия направляет преимущественно в сторону более четкого и лингвистически обоснованного определения способов установления «опытного списка», одинаково пригодного для любого языка. В порядке уточнения «опытного списка» он свел количество включаемых в него слов с 200 до 100. Однако и этот уточненный и уменьшенный «опытный список» представляется спорным во многих отношениях, о чем подробно и, бесспорно, обоснованно говорит Г. Хойер в своей статье, которая следует за работами М. Сводеша в настоящем сборнике¹. Нам представляется необходимым сделать по этому наиболее существенному для глоттохронологии поводу несколько добавочных замечаний.

Когда М. Сводеш пытается составить «опытный список», пригодный для всех языков, и формулировать универсальные правила его составления, он ставит перед собой фактически невыполнимую задачу. В доказательство этого утверждения можно сослаться на очевидную несовместимость структурных моделей лексики разных языков с необозримым многообразием культур, оказывающих прямое воздействие на формирование указанных структурных моделей. Но самым веским доказательством в пользу такого пессимистического

¹ Несколько в другом направлении проводит свою критику Ch. Hockett. См. его статью «Linguistic time-perspective and its anthropological uses» в «International Journal of American Linguistics», vol. 19, 1953, p. 146—152. Ответ М. Сводеша на критические замечания Ч. Хоккетта см. в «Comment on Hockett's critique», «International Journal of American Linguistics», vol. 19, 1953, p. 152—153.

вывода является опыт работы самого М. Сводеша (и других языковедов, применявших его метод к конкретным языкам) над установлением элементов «опытного списка». М. Сводешу во многом пришлось отказаться от собственно лингвистических критериев его определения. В действительности «опытный список» строится у него главным образом на понятийных признаках, и именно поэтому об отдельных его элементах можно говорить только как о понятийных, а не как о лингвистических. И основная трудность в использовании метода глоттохронологии возникает как раз тогда, когда отдельные клетки понятийной системы, каковой фактически и является «опытный список», заполняются конкретными лексическими элементами определенных языков. Во многих случаях эти лексические элементы не укладываются в понятийную систему «опытного списка», и с тем, чтобы его все-таки заполнить, приходится прибегать к натяжкам, которые не могут не вызвать сомнений и возражений со стороны лингвистов.

Начать с того, что лингвистам нередко приходится иметь дело с языками, которые не обладают словами для обозначения обобщенных явлений или процессов. В «списке» М. Сводеша содержатся такие слова, как *дерево*, *рука*, *черный*, *белый*, *ходить*, *умирать* и т. д. Но, например, по свидетельству Эйре (описывающего одно из австралийских племен), «у них нет родовых слов для обозначения дерева, птицы, рыбы и пр. вообще; у них есть лишь видовые термины, приложимые к каждой особой породе деревьев, рыб, птиц и т. д.»¹ Аналогичное свидетельство относительно слова *рука* мы обнаруживаем у Грэя: «Австралийцы имеют названия почти для каждой части человеческого тела. Так, спросив, как по-туземному называется рука, один иностранец услышал в ответ слово, обозначающее верхнюю часть руки, затем слово, обозначающее предплечье, далее слово, обозначающее правую руку, еще одно слово — левую руку и т. д.»² Можно подобрать подобные свидетельства почти на каждый элемент «опытного списка». Все они указывают не только на часто непреодолимые трудности, с которыми приходится иметь дело при заполнении «списка», но дают

¹ E. Eyre, «Journals of expeditions of discovery into Central Australia», vol. II, London, 1846, p. 392—393.

² G. Grey, «Journal of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia», vol. II, London, 1841, p. 209.

достаточно убедительный материал и для общего вывода. А вывод состоит в том, что универсальный «список», пригодный для всех языков мира, составить невозможно. Он неизбежно должен варьироваться для разных групп языков или для разных культур (или, скорее, для того и другого, вместе взятых).

К этому следует добавить, что поскольку модель «спытного списка» составлена на английском языке, то это в свою очередь накладывает определенный отпечаток и на отбор иноязычных эквивалентов: они неминуемо будут приближаться по своей понятийной сфере к английским словам, составляющим «опытный список». Ведь большинство слов основного лексического ядра, как и большинство наиболее употребительных слов, полисемантичны. И хотя к ряду элементов «опытного словаря», выраженного средствами английского языка, М. Сводеш делает пометки, чтобы уточнить их «значение» (а точнее говоря — понятийное содержание), это не спасает положения. Несколько взятых наудачу примеров ясно показывают, о чем идет речь. Так, английское *ashes* может быть передано по-русски как *зола* или *пепел*, англ. *hear* — как *слышать* и *слушать*, англ. *animal* — как *зверь* и *животное*, англ. *blow* — как *дуть* и *ветать*, англ. *child* — как *ребенок* и *дитя* и пр. Даже если попытаться максимально отграничиться от особенностей, связанных с языковой природой элементов модели «опытного словаря» (а характер полисемантизма английских слов и само их лексическое значение определяются во многом собственно лингвистическими факторами), и ориентироваться на их чисто понятийное содержание (к чему, как указывалось выше, и подводят нас выдвинутые М. Сводешем критерии), то и в этом случае при переводе данных понятийных элементов на лексические единицы других языков неизбежно придется столкнуться с теми же самыми трудностями. Так, понятие, определяемое в толковых словарях описательно как «наличие представления или сведения о чем-либо» (англ. *know*), может быть передано в русском языке глаголами *знать* или *ведать*, а «словесное выражение своих мыслей» (англ. *say*) можно обозначить русскими глаголами *говорить* или *сказать* и т. д. Если обратиться к альтернативе *знать* или *ведать*, то оба эти слова имеют разветвленную систему генетически близкой лексики в ряде родственных языков. Ср. *ведать* — лат. *video, vidi*, скр. *veda*, зенд. *vaedā*, гот. *wait* «я знаю», арм. *gitem* «я знаю», др.-прусск. *waidimai*